

ешь?» Он, помню, даже что — то ответить попытался. Я слушать до конца не стал, и дал ему прямо в ухо! Потом 15 суток на гауптвахте просидел за справедливость. Зато хлеб всем стали резать одинаково.

О наградах

«В 1941 — 1942 гг. медаль «За отвагу» нам, солдатам, почти не давали, только иногда летчикам. Мы работали ночами, налаживали на боевых самолетах орудия, снаряды подносили, а нас словно и не замечали. Правда, когда мы стояли под Сумами, один рядовой «За отвагу» все — таки получил. Он задержал четырех дезертиров, украинцев по национальности, которые хотели сдать немцам. Парни решили не возвращаться в часть, но этот солдатик застал их у ограды уже с вещмешками, задержал и куда следует доложил. Я же медаль «За отвагу» получил после боев в Кенигсберге. Тогда старшина спрятался за дом, а нам приказал вести огонь. Мы попали под минометный обстрел, и из целого расчета осталось четыре человека. У нас было пять ящиков снарядов, и бой мы уже вчетвером вели до уничтожения противника. Потом так и прошли вместе войну до конца. Я в Кенигсберге в том бою просто чудом уцелел: осколок снаряда попал в орудийную панораму рядом с моей головой, отскочил и ударил по каске. А «За боевые заслуги» я получил тоже в Восточной Пруссии — за форсирование государственной границы».

Об артиллерии и командирах

«Однажды мы пристреливали огневую точку, и я промазал километра на полтора. Ко мне подошел командир батареи, приставил к виску пистолет и сказал: «Еще раз промажешь — убью!». И я попал прямо в цель, точь в точь! Командир меня потом похвалил: «Вот и молодец!».

«Я в артиллерии прослужил с 1942 г. до конца войны, обслуживал 127 — миллиметровую гаубицу. Когда орудие бьет, очень сильный грохот и большая отдача, поэтому после войны я немного оглох. Потом, правда, все пришло в порядок.

«Когда участвовали в боях, конечно, было страшно. Кругом стрельба, взрывы, все бегут. Я даже думаю, что просто чудом остался жив. Мне до сих пор иногда снится война».

О мистике

«Как — то на Украине к нам подошла молодая красивая цыганка с маленьким цыганенком и попросила 3 рубля на хлеб. Цыганенок мне говорит: «Дяденька, не давай, она тебя обманет». Я подумал: «Три рубля — не деньги, отдам». Она монетку взяла и, как водится, стала мне по руке гадать: «Всю войну до конца пройдешь, ранен не будешь, домой жив — здоров вернешься и потом еще долго жить будешь». И ведь не обманула!

Д. Золотухин

Конспиративная квартира

Недалеко от Курского железнодорожного вокзала, на улице Театральной, стоит старинный кирпичный дом. В годы немецкой оккупации в нем находился штаб подпольной разведывательно — диверсионной группы, действовавшей в Курске и его окрестностях.

Хозяин дома Павел Павлович Бабкин в 1941 году был оставлен советскими органами для выполнения специальных заданий. Вот он — то и создал подпольную группу, которая действовала вплоть до освобождения Курска от захватчиков.

В подпольную группу подбирали железнодорожников, которые по различным причинам не были призваны в армию и не смогли эвакуироваться. Были в группе и вышедшие из окружения советские воины — курыне. Некоторых из них Бабкин знал еще до войны. И не как — нибудь, а по совместной работе.

К весне 1942 года группа насчитывала около 30 человек. Жена П.П. Бабкина Зинаида Ильинична и их дети — Павел, Люба и Женя — тоже стали подпольщиками. Вскоре влились в группу Елена Антоновна Дунаева, в совершенстве владевшая немецким языком, и ее сын Дмитрий Иванович, командир Красной Армии, вышедший из немецкого окружения, Антонина Владимировна Макарова, Михаил Федорович Михалев и Софья Евграфовна Чернова, работница районного женотдела Нида Ковальчук, машинист Павел Алябьев, осмотрщики вагонов Николай Зикеев, Василий Рыбалов и Георгий Гвоздев, заместитель начальника станции Иван Гвоздев.

Перечислить всех, конечно, нет возможности. Но вот Василия Бочарова назвать необходимо. У него дома сохранился радиоприем —